

Исторический рассказ о годах моего детства.

Родилась я в 1954 году в семье колхозника. 1950-60 годы я считаю, как годы становления страны «на ноги» после военной разрухи. Семья у нас была большая: мои родители, моя старая прабабушка и пятеро моих старших братьев. По тогдашним меркам такая семья считалась средней, так как в некоторых семьях бывало по 7-8 детей. Тогда детей рожали много, потому что был запрет всяким абортам. А дети выживали по законам природы: слабый организм – умерли, сильный организм – выжили. У моей подруги Шамсии мама родила 14 детей, а остались в живых только 5, остальные умерли в детстве по болезни, а мать у них дожила до ста лет!

Детей в деревне было много. Все дети играли на улице целыми днями, покушают – опять на улицу. Я помню, как мы - дети нижней части деревни все время ходили к детям-инвалидам Мансура и Махмуд, они неходячие были, ну и родителям их это было на руку, так как их дети были под присмотром; мы этих Мансура и Махмуд волоком перетаскивали с места на место, то во двор - то на улицу. А еще рядом с их домом у Маугида апы был сруб, мы там лазили, бывало и падали сверху, ничего не ломали. А еще помню, как вечерами из пекарни в большом ящике с крышкой на телеге, запряженной лошадью, привозили в магазин (каменный нижний этаж теперешнего дома Хузиахметова Анвара) свежий хлеб; какой запах стоял, век не забуду! Этот хлеб продавщица Галима апа взвешивала на весах, если не хватало норме, то добавляла кусок, срезанный от другой буханки. Мы стояли возле магазина, и ждали, когда выйдет какая-нибудь бабушка и отдаст нам этот кусок. Летом купались на речке, а речка (инеш) тогда была широкая, а сколько было прудов! На верхней части деревни – «чишмэ башы», чуть ниже – «Ахат туры», еще ниже – «Шэйпэт туры», на самом внизу – «күпер туры». Вечерами даже взрослые люди после работ приходили купаться. На этой речке мы (дети) пасли уток, гусей. Вечерами встречали стадо овец; тогда овец у жителей деревни много было (даже было два стада овец – верхней части деревни и нижней части) и барашки путались-терялись среди овец, поэтому приходилось их искать по всей деревне и привести домой. Потом бегали встречать коров из стада и приводили домой на вечернюю дойку. Зимой катались на санках с горок и по улице. Помню, как мы вытащили у кого-то большие сани (на которые запрягают лошадей), вместе притащили на горку (за теперешней усадьбой Хабибуллина Рустама), садились все на эти сани и спускались по склонной горе до низу и упирались в ворота Миниямал апы. Тогда внизу на подножье теперешней усадьбы Хабибуллина Рустама была целая улица, которая начиналась с

первой сосновой посадки (с востока) и заканчивалась в районе колхозных ферм (на западе). Иногда Миниямал апа нас гоняла и ругала, а пока ее не было, мы несколько раз успевали покататься на этих санях. На льду речки играли хоккей. Тогда клюшек заводских-фабричных не было, ребята снимали кривые палки с плетенных тальником заборов огородов, которые располагались возле речки. Рядом с усадьбой Хабибуллина Рустама был (и сейчас есть) глубокий овраг, для нас эта гора тогда казалось высокой, вот мы там катались на санках и еще играли «калалы», то есть, сталкивали с горки друг друга, кто остается на горе – тот «царь горы». Так целыми днями мы находились на свежем воздухе. Рацион питания тогда был скудным, в основном питались картошкой в мундире, хлебом, испеченным в печи, картошку макали в подсолнечном (нерафинированном) масле, ели лук, ну и вечером, когда все собираемся дома – ели суп. Ближе к весне ощущалась нехватка витаминов в организме (авитаминоз). Как только появлялась зелень в саду-огороде, начинали рвать и скорее съесть. Яблоки маленькие зелененькие, лук-бутон, а потом щавель, дикий лук – все это для нас тогда казалось очень вкусным. Кроватей для спальни тогда не было. А был топчан, сколоченный из досок. Одежд и подушек не хватало. Я помню, как мои братья спали на топчане, под низ у них были овечьи шкуры, а укрывались овечьими тулупами, телогрейками.

Тогда людям пенсионного возраста пенсию не давали. Я помню, моя прабабушка дожила до 104 года, и умерла в 1964 году, она не знала, что такое пенсия. Пенсию стали получать люди только с 1965 года после выхода в 1964 году «Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов». Сельским жителям пенсия назначалась на 15% меньше чем рабочим и служащим городов. Средняя пенсия колхозника в 1965 году была 12,5 руб, в 1970 году – 14,1 руб.

В деревне жизнь была тяжелая. Колхозники с утра до ночи работали в колхозе, за свой труд они денег не получали, а ставили им «палочки» за трудодни. А трудодни не оплачивались. По рассказам старожил, в первый раз в 1953 году за трудодни колхозникам раздали полбу (дикая пшеница), и еще в один год дали по 10 граммов меда за трудодень; и зерновые колхозники очень мало получали. В 1962-63 годах на трудодни колхозникам давали горох и кукурузу (других зерновых не давали). До сих пор не могу забыть вкус горохового хлеба и гороховых оладий. Хлеб получался (пекся в печи), извините за такое выражение, как коровья лепешка (коровяк), по сравнению с ржаным или пшеничным хлебом гороховый хлеб был ужасно не вкусным, как он мне надоел – гороховый суп, гороховый хлеб, гороховая каша, гороховые оладьи. Родители, пережившие голод, рады были и за это.

Ладно, питались своей картошкой и хлебом, а на какие «шиши» покупать одежду-обувь? До такой степени деревенский народ был ущемлен, что даже имея корову не могли до сыта напиться молока, не есть сливочное масло, имея куриц не могли наестся яиц, имея овец не могли носить шерстяные носки и досыта есть мясо, так как в то время деревенский народ обязан был сдавать государству молока, яйца, мяса, шерсть. Тогда было слово русское «задание», и всем были розданы книжки, где записывалось (велся учет) количество сдаваемой продукции (молоко, яйцо, шерсть, мясо). Пока не выполним это «задание» (молоко – 300 литров, яйцо – 200 шт, шерсть, мясо – не помню), мечтать было не о чем. Я помню, у нас не выполнялся показатель «молоко»; отец (не понимаю – на какие «шиши») купил сливочное масло и этим закрыл задолженность по молоку. А если родятся барашки и телята двойни, тогда обязательно вторая отбиралась и сдавалась колхозу. А какие были налоги: ежегодно брался на учет (записывалось) у каждого домохозяйства поголовье скота (если ягненок родился в конце года, то он считался как полноценная овечка), количество посаженных плодовых деревьев - кустарников. То, что выращивалось своими силами, облагалось налогом. Поэтому тогда в наших садах росли сирень, тополь и всякие сорняки.

Одевался весь деревенский народ одинаково, никто не выделялся друг от друга; одежда была простая, и рваная, и с заплатками. Никто не осуждал никого, все были равны. У кого жили в городе близкие родственники, то они отправляли свои поношенные вещи (одежду, обувь) в деревню. А маленькие мальчишки летом вообще бегали без штанов, голые; девочек старались одевать в платья. Зимнее пальто, которое я носила (ну и все дети деревни), было без мехового воротника, из фланелевой ткани. Я помню, как я пошла в школу в первый класс, у меня не было школьной сумки; брат Хамза взял какую-то старую сумку, положили туда учебники и потом привязал веревкой, чтобы не выпали учебники; так я пошла в школу. Кто-то пришел в школу с домотканым льняным мешком, кто-то со свертком. У нас не было резиновых сапог, кожаной обуви. Зимой ходили в валенках, а как начинается весенняя и осенняя распутица, то к подошвам валенок прикрепляли деревяшки (күтэртмә), а у кого была возможность купить галоши, то на валенки надевали галоши (чосонки). Как только появляется земля под ногами и дни становятся теплее, начинали бегать босиком. Дедушки - бабушки ходили в чоботах. Я помню, как стала вырастать, в Бондюге стали покупать брезентовые чупяки-тапочки, это был выход из такого положения. В плане одеваться-обуваться лучше жилось учителям,

которые работали в школе, потому что они получали зарплату. Чтобы приодеться к новому учебному году, братья изо всех сил старались подзаработать деньги: собирали шиповник, заготавливали дубовую кору, сушили и сдавали «агенту» (приемщику). В летние каникулы нам не давали отдыхать, как нам хотелось. Обязательно мы должны были 2 недели подрабатывать в пришкольном садовом участке; учителя вечерами ходили по домам, чтобы мы на следующий день пошли работать в колхозном огороде (полоть траву на грядках, ломать стрелки лука, убирать личинки с капусты, прореживать свеклу и т.д.), а также работали в поле – серпом убирали горох. А ведь вся эта работа бесплатно!

Все сельхоз работы в хозяйстве выполнялись планомерно: сажалась картошка, потом пололи, потом окучивали. А после этого до сенокоса образовалась спокойная пора; в нашей семье была хорошая привычка – ездить в гости в соседнюю деревню Сарсаз к пожилым предкам моего отца. Отец берет лошадь в колхозе, запрягает и мы все на телеге едим в гости!

Потом наступает пора заготовки сена. Тогда земли были колхозные, и никто не смел косить сено, где ему захотелось. В основном сельчане косили в пойме в 6-7 километрах от деревни на полянках между деревьями и кустарниками, где до середины лета стояла вода, косили осоку. Если узнают, что колхозник накопил сено много, то отбиралось колхозу. Работа по заготовке дров производилась только зимой. Для дров можно было рубить только тальник, толстые деревья и другие сорта деревьев рубить не разрешалось. Чтобы привезти дрова домой кто-то запрягал своего быка или свою корову, у кого была лошадь – на лошади, а у кого не было ничего, это в основном старики – то на своем горбу. Жители деревни зимой топили печь мерзлыми дровами.

Водоснабжением было тогда трудно. Зимой за водой ходили на речку – брали воду из проруби, если замерзнет, ждали – кто нам прорубит лед. Летом таскали воду с речки, питьевую – из колодца или родника.

По рассказам старожил, в 1955 году в деревню приехал Нуретдинов Зиастин, который занялся выращиванием в колхозном поле арбузов и дыней, и в 1956 году колхоз стал миллионером от продажи данного урожая.

В 1958 году в наших краях нашли нефть; возле деревни стали появляться нефтяные вышки, за фермой горел факел. Тогда деревенские мальчишки не понимали что такое нефть, и им было интересно пачкаться нефтью и лазить в лужи нефти.

Я помню первое радио, которое у нас появилось в 1958 году. Радио было изготовлено как тарелка из черной картонки. В те годы появилось в деревне электричество.

Помню первый телевизор в доме учителя Тухватуллина Ахата. Это, наверно, было в 1964 году. Нас водили классами к ним на экскурсию посмотреть, что это такое. Тогда трансляции шли всего несколько минут. А первый телевизор с большим экраном на ножках купил мой отец в 1967 году. Когда вечерами шла трансляция футбола, все деревенские мальчишки приходили к нам смотреть футбол; садились они на пол, ведь у нас столько стульев не было. Хорошо, что наш дом был большой, было куда разместить всех пацанов.

А как тяжело было, когда после окончания школы молодежи хотелось уехать из деревни, а паспорт не давали. Видимо тогда политика государства была такова, что если родился в деревне, то должен оставаться работать в колхозе. Паспорт могли получить только тогда, когда приносишь справку о поступлении в ВУЗ.

Хочу отметить, несмотря на тяжелый экономический период в стране сельский народ не бастовал, не сопротивлялся государственным решениям, беспрекословно выполнял указания руководства колхоза (и партии!).

Я считаю, что наше детство было счастливее чем сейчас, много было общения. Детей в деревне было много, на летние каникулы приезжали из городов дети близких и родных, играли мы всякие игры на природе, и воздух и земля тогда были чище, мы были здоровее, чем теперешняя молодежь. Сейчас в деревне на улице не встретишь ребятню, потому что они уткнулись на экраны телевизоров и компьютеров, и из городов дети не приезжают в деревню, как тогда в нашем детстве. Сейчас интересы у молодежи другие. Они, слава Всевышнему, сыты, одеты, обеспечены всем, что они желают! Круглый год питаются ягодами, фруктами и овощами. Никто их не заставляет работать бесплатно в летних каникулах. Надо только жить и радоваться!

Гузель Габдуллина (Гильфанова), 2016 год